

12+

РЕЗОНАНСНЫЙ ГОИШИК

Илья Петров

Илья Петров

Резонансный гонщик

<https://litres.ru/74374829>

ISBN 9785007104050

Аннотация

Я — Вера. Резонансный гонщик. Я показываю людям, как звучать, когда они привыкли молчать. Эта книга — не про байки и не про города. Она про то, как мы учимся слышать себя. И про то, что тишина — это не пустота. Это просто звук, который ещё не родился. Если ты готов — поехали.

Содержание

РЕЗОНАНСНЫЙ ГОНЩИК	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВХОД В РЕЗОНАНС	7
ПРОЛОГ. ШМЕЛЬ ПРОЛЕТЕЛ	7
ГЛАВА 1. ПЕРВАЯ СТРУНА	9
ГЛАВА 2. КТО-ТО СЛЫШИТ ТЕБЯ	13
ГЛАВА 3. ЗАДЕРЖКА НАСТОЯЩЕГО	16
ГЛАВА 4. СТАЦИОНАР	19
ГЛАВА 5. ТЕ, КТО НЕ СЛЫШИТ	24
ГЛАВА 6. ПРОБУЖДЕНИЕ ПЕРВОЕ	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Резонансный гонщик

Илья Петров

© Илья Петров, 2026

ISBN 978-5-0071-0405-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

РЕЗОНАНСНЫЙ ГОНЩИК

Для тех, кто помнит, как звучать.

Для тех, кто ещё учится слышать.

Ну что, читатель.

Ты взял книгу. Молодец. Уже на полшага ближе к тому, чтобы услышать что-то, чего не слышал раньше. Или наоборот — вспомнить то, что знал, но забыл.

Меня зовут Вера. Я — резонансный гонщик. Но это не важно. Важно другое: ты сейчас держишь в руках не просто книгу. Ты держишь дверь. Внутри неё — дороги, города, тишина и звук. И если ты готов — она откроется.

Ты, наверное, думаешь, что это просто фантастика. Или приключения. Или философия. А я скажу тебе: это — частота. Твоя частота. Если она совпадает с тем, что внутри этой книги — ты почувствуешь это на первой же странице.

Если нет — ничего страшного. Книга подождёт. Она умеет ждать. Она будет стоять на полке и тихо звучать, пока ты не будешь готов её услышать.

Но раз ты уже здесь — значит, ты готов. Хотя бы чуть-чуть.

Не бойся, если в начале будет непонятно. Не бойся, если что-то покажется странным. Это нормально. Ты просто

привык слышать мир по-другому. А я покажу тебе, как он звучит на самом деле.

Я не буду тебя ничему учить. Я просто поеду рядом. Иногда впереди. Иногда сзади. Иногда буду молчать. А иногда — скажу что-то, что ты запомнишь надолго.

Итак.

Ты готов?

Не важно. Ты уже здесь.

Поехали.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВХОД В РЕЗОНАНС

ПРОЛОГ. ШМЕЛЬ ПРОЛЕТЕЛ

Фура шла по трассе.

Седьмой час за рулём. Игорь отхлебнул из термоса — горько, холодно. Он даже не заметил, что кофе остыл: просто пил, потому что надо было чем-то занять руки. За окном мелькали редкие огни дальних машин, серая лента асфальта уходила в никуда, и ночь была такой же пустой, как его жизнь за последние двадцать лет.

Игорю было пятьдесят три. Дважды разведён, трое детей, которых он видел раз в год. Он не жаловался — просто жил, как умел.

Руки лежали на руле тяжело, как две старые черепахи. Глаза слипались. Надо дотерпеть до заправки — ещё сто двадцать километров. Он уже почти провалился в дремоту, когда мир вдруг стал другим.

Сначала звук. Низкий, ровный, как будто кто-то натянул саму трассу, как струну. Гул шёл откуда-то сзади, заполнял кабину, проникал в грудь, заставлял вибрировать рёбра. У Игоря пересохло во рту. Он не мог пошевелиться — тело

слушалось медленно, как сквозь воду.

Он посмотрел в левое зеркало. Ничего. В правое — пустота. Только серая лента дороги.

А потом — *он*.

Чёрный байк вырвался из темноты без предупреждения. Прошёл так близко, что стекло в кабине дрогнуло, и исчез за горизонтом. Мгновение — и его уже не было. Только затихающий гул, как эхо ушедшей ноты. И след: едва заметная серебристая полоса, которая погасла через секунду.

Игорь моргнул. Провёл рукой по лицу. Мурашки бежали от затылка до поясицы. В груди разлилось тепло — не от кофе. Другое. Старое. Как будто внутри проснулось что-то, что спало годами. И вместе с этим теплом пришёл звук — тихая нота, почти неслышная, но она была. Она пульсировала в груди, как второй пульс.

Он посмотрел на руль. На пальцах, там, где он держал баранку, остался едва заметный след — серебристый, как тот. Он потёр пальцы. След не стёрся.

— Шмель пролетел, — сказал он в пустоту.

И поехал дальше. Через минуту он уже не помнил, что видел. Только лёгкое тепло в груди осталось — как отголосок. И тонкая серебряная полоска на пальцах, которая погасла через час.

Он не знал, что это был резонансный гонщик. И что через много лет он поймёт это. И что эта ночь изменит всё — не сразу, но навсегда.

ГЛАВА 1. ПЕРВАЯ СТРУНА

Ночь стояла над пустырем, как плотное одеяло из тишины.

Дан стоял на краю старой дороги, глядя в темноту. Воздух был тёплым, но он дрожал — не от холода. От того, что внутри него что-то нарастало. Он не знал, что это. Не мог объяснить. Он просто стоял и чувствовал, как мир вокруг становится другим — более глубоким, более настоящим, чем он привык.

Он пришёл сюда не специально. Просто ноги принесли. Он ушёл из дома. Не ссора. Не скандал. Просто сегодня утром он понял, что больше не может. Мать плакала, пока он собирал рюкзак. Отец молчал — как всегда. Дан сказал: «Я не знаю, куда иду. Но я знаю, что здесь — не могу». Он не знал тогда, что будет искать.

Он был высоким, подтянутым, с тёмными волосами, которые вечно растрёпаны — как будто он только что снял шлем, хотя байка своего у него никогда не было. Серые глаза смотрели настороженно, но в них чувствовался свет, который появляется, когда человек слышит то, чего не слышат другие. Сейчас он ещё не знал, что это такое. Но он чувствовал это каждой клеткой.

Лицо у него было спокойное, но с лёгкой напряжённостью — будто он постоянно прислушивался к чему-то, что про-

исходило где-то за пределами его понимания. Он был одет просто: тёмная куртка, потёртые джинсы. Ничего лишнего. Он не любил привлекать внимание. И сейчас, на пустыре, в ночи, его почти не было видно — только очертания, сливающиеся с темнотой.

Город остался за спиной — шумный, полный голосов. Но даже оттуда, краем глаза, Дан заметил странное: город, который он покинул, казался не просто далёким — он казался *серым*. Не свет уличных фонарей. Не тени. Что-то другое. Как будто сам воздух над ним потерял цвет. Дан не придал этому значения тогда. Но внутри, где-то глубоко, он почувствовал — это не случайность. Это был не просто уход. Это был *отклик*.

А здесь, на пустыре, было тихо. Только ветер шуршал сухой травой, да где-то далеко лаяла собака. Дан смотрел вперёд, на старую дорогу, уходящую в темноту. Покрытую трещинами, с проросшей травой между бетонных плит. Дорога, по которой никто не ездил. Дорога, которая ждала.

В груди нарастало что-то — не страх, не тоска. *Другое*. Как будто внутри него рос звук, которого он никогда не слышал, но который всегда был там. Дан закрыл глаза. Вдохнул. И вдруг — он *решил*.

Он не знал, что делает. Не знал, зачем. Но внутри него что-то коснулось чего-то. Как будто он шагнул, но не ногой — сознанием. Как будто он тронул струну, о которой не знал, что она есть.

Тишина вокруг стала плотнее. Звуки города затихли, словно кто-то приглушил их. Ветер перестал дуть. На мгновение — на один удар сердца — Дан почувствовал, что он *не один*. Что кто-то *слышит* его. Где-то далеко, за горизонтом, что-то отозвалось. Тихо. Почти неслышно.

Он закрыл и открыл глаза. Пустырь, ночь, дорога — всё как прежде. Но внутри осталось что-то тёплое, вибрирующее. Как будто он коснулся мира — и мир коснулся его.

Дан поднял руку. Кожа была чистой. Но он чувствовал: внутри, под кожей, что-то изменилось. Как будто там, где раньше была тишина, теперь звучала нота. Тонкая, серебряная.

— Что это? — прошептал он.

Тишина не ответила.

Он сел на бетонную плиту, обхватил колени руками и стал ждать. Он не знал, чего именно. Но знал, что уйти не сможет. Что-то внутри держало его здесь, как будто мир ждал его ответа.

За сотни километров от него, на ночной трассе, девушка на чёрном байке резко вжала тормоз.

Она не знала, что случилось. Но она *почувствовала* — чистый, ясный толчок, как удар струны. Кто-то коснулся струны. Не нащупал, не попробовал — а именно *коснулся*. Как будто знал, что делает, хотя понятия не имел об этом.

Она остановилась на обочине, закрыла глаза и прислушалась. Там, далеко, за горизонтом, что-то вибрировало. Сла-

бо, но чисто. Она чувствовала это в груди, в кончиках пальцев.

— Кто ты? — прошептала она в пустоту.

Никто не ответил. Но она знала: это начало. Она чувствовала, что тот, кто коснулся струны, не знает, что делает. Это был его первый раз. Чистый. Неиспорченный.

Она развернула байк. Двигатель загудел — ровно, с готовностью. И поехала на тот сигнал.

ГЛАВА 2. КТО-ТО СЛЫШИТ ТЕБЯ

Она приехала через час.

Дан не ушёл. Он сидел на бетонной плите, сжимая пальцы, и смотрел в темноту. Внутри всё ещё вибрировало то место, где он коснулся. Но теперь к вибрации добавилась *другая* — не его. Чужая. Она приближалась.

Сначала он услышал звук — далёкий, низкий гул, как будто земля начала дышать. Потом свет фары, вырвавшийся из темноты пыльную дорогу. Потом — она.

Она остановилась в нескольких шагах от него, выключила двигатель. На мгновение воцарилась тишина — та особенная тишина, которая бывает только после громкого звука. Потом она сняла шлем.

Тёмно-зелёный, матовый, с едва заметными серебряными шашками на боках, как у шута. Шашки переливались в тусклом свете, словно живые.

Волосы упали на плечи — пепельные, почти белые, с зелёными концами. Не крашенные. Выбеленные ветром, тысячами дорог, годами скорости. Глаза зелёные, как лесной колодец, в котором отражается небо.

Дан смотрел на неё, и что-то в ней было *родным*, как будто он уже видел её когда-то. Во сне. Или в той тишине, что была до того, как он научился говорить. Она улыбнулась — просто уголками губ, но тепло разлилось по груди Дана.

Она подошла ближе. Её руки, сильные, с вьёвшейся грязью под ногтями и тонкими серебряными кольцами на пальцах, были опущены вдоль тела.

— Ты коснулся. Я почувствовала, — сказала она. Голос низкий, хрипловатый, но мягкий.

— Кто ты? — спросил Дан.

— Меня зовут Вера. Я — резонансный гонщик.

— Это как?

Она посмотрела на него долго. Не оценивая — *вслушиваясь*.

— Тот, кто слышит мир не ушами — сердцем. Ты только что это сделал. Ты коснулся струны. И я приехала.

— Зачем?

— Затем, что я знаю, что это такое — быть одному после первого раза. Ты не знаешь, что с этим делать. А я знаю.

Она протянула руку. Дан посмотрел на неё — тонкие пальцы, серебряные кольца, тёплая кожа.

— Поехали, — сказала она. — Я покажу тебе.

Дан посмотрел на её байк. Чёрный, матовый, с серебряными прожилками на раме. Живой — не просто машина, а что-то, что дышит. Даже заглушённый, он гудел тихо, как спящий зверь.

— Садись.

— Я никогда не ездил на мотоцикле.

— Никто не ездил до первого раза.

Он сел позади неё. Сначала неловко — не знал, куда деть

руки. Вера обернулась через плечо:

— Держись за меня. Не бойся.

— Я не боюсь, — сказал он. Но это было неправдой.

— Тогда поехали.

Она нажала на газ. Мир *раскрылся*.

Но в тот момент, когда байк рванул вперёд, Дан почувствовал что-то ещё. Где-то далеко, за пределами этого мира, кто-то тоже сжал руль. Кто-то, кто ехал в другую сторону. Кто-то, кто не знал, что его уже слышат.

Дан закрыл глаза на секунду — и ему показалось, что он видит серый город, пустые улицы, и человека, который сидит на чёрном байке без единой струны.

— Что-то не так? — спросила Вера, чувствуя, как он напрягся.

— Нет, — сказал Дан. — Просто... мне показалось.

Но он знал — это не показалось. Это был отклик.

ГЛАВА 3. ЗАДЕРЖКА НАСТОЯЩЕГО

Они влетели в придорожное кафе на скорости. Мир сжался, звуки задержались — Дан не понимал, что с ним происходит. Внутри было пусто: ни людей, ни звуков. Только тишина, которая ждала.

Вера села за столик у окна. Дан сел напротив. Он всё ещё дрожал — не от холода, от того, что внутри вибрировало. Он чувствовал эту вибрацию в руках, в зубах, в груди. В ушах звенело — негромко, но настойчиво, как будто кто-то держал одну ноту внутри его головы.

— Закажи кофе, — сказала Вера. — Только не жди, что он будет горячим.

Дан подошёл к автомату, нажал кнопку. Чёрная жидкость полилась в стаканчик. Он взял его — и замер. Холодный. Как будто кофе налили из холодильника.

Он обернулся к Вере. Она сидела неподвижно, глядя на него спокойными зелёными глазами.

— Сядь. Подожди.

Он сел. Поставил стаканчик на стол. И вдруг увидел пар. Тонкая струйка поднялась над стаканчиком. Сначала едва заметная. Потом плотнее. Кофе начал нагреваться *прямо сейчас*, на его глазах. Он смотрел, как пар становился гуще, как стаканчик начинал отдавать тепло. Внутри кофе булька-

ло, завариваясь прямо на глазах.

А потом — звуки. Сначала глухие, как будто из-под воды. Голоса. Звяканье посуды. Шаги. Потом *волна*. Голоса хлынули в кафе, как будто открыли шлюзы. Люди появились за столиками — не из воздуха, а *из настоящего*, которое наконец догнало их. Кто-то смеялся, кто-то спорил, кто-то заказывал еду. За окном проехала машина, ветер качнул ветку.

Мир *вернулся*.

— Что это было? — спросил Дан.

Вера взяла свой стаканчик, сделала глоток.

— Задержка. Мы ехали быстрее настоящего. Мир не успевал за нами. Теперь он догнал.

— Я был в будущем?

— Не в будущем, — сказала Вера. — В *промежутке*. Там, где настоящего ещё нет. Мы всегда там, когда входим в резонанс.

Дан смотрел на свои руки. Они дрожали. В ушах звенело — негромко, но настойчиво, как будто кто-то держал одну ноту внутри его головы. Он чувствовал, как пульсирует эта вибрация, отдаваясь в висках.

— Это пройдёт? — спросил он.

— Пройдёт, — сказала Вера. — Через пару минут. Или через пару лет. Я не врач, я гонщик.

Она отпила кофе и поморщилась.

— Кстати, у тебя кровь из носа.

Дан провёл рукой по лицу — пальцы были в крови. Тон-

кая струйка, тёплая и липкая, уже стекала на губы. Он почувствовал, как она стекает по подбородку, и понял — это не просто «кровь из носа». Это цена. И она будет расти.

— Ты не предупреждала.

— А ты не спрашивал, — сказала Вера. — Это плата за проезд. Твоё тело пока не привыкло. Но оно привыкнет. Или не привыкнет — тогда будешь гонщиком с вечным красным носом. Тоже вариант.

Она пододвинула салфетку:

— Вытрись. А то люди подумают, что я тебя избила.

Дан взял салфетку, вытер кровь.

ГЛАВА 4. СТАЦИОНАР

Они сидели за столиком. Кофе уже нагрелся. Мир уже догнал их. За окном машины проезжали, люди проходили мимо. Всё как обычно. Но для Дана уже не как обычно.

Он смотрел на мужчину за соседним столиком. Тот ел суп. Механически. Бездумно. Рядом с ним сидела женщина, которая что-то говорила, но он не слышал. Он вообще не слышал — он просто жевал. Ложка поднималась, опускалась, поднималась, опускалась. Глаза смотрели в пустоту — не в тарелку, не в женщину, а сквозь всё.

Дан смотрел на него и вдруг почувствовал. Струна этого человека была. Она была здесь, в груди, в дыхании, в каждом его движении. Но она не звучала. Она была как оборванная нить, которая болтается без дела. Дан чувствовал, как она вибрирует — слабо, почти незаметно. Но она не откликалась.

— Он не слышит себя, — шепнул Дан.

— Он и не пытается, — сказала Вера. — Он стационар. Струна есть, но она не звучит. Она просто есть — как память о том, что могло бы быть.

— Почему он не пытается?

— Потому что он не знает, что струна есть. Или знает — но боится. Звук требует усилий. А тишина — нет. Тишина проще.

— И он так живёт? Всю жизнь?

— Всю жизнь. И не знает, что могло бы быть иначе.

Дан молчал. Он смотрел на мужчину — на его руки, которые механически поднимали ложку, на его глаза, которые ничего не видели. И внутри него, там, где звучала его струна, что-то отозвалось. Не громко. Но он слышал.

— Что нам делать? — спросил он.

— Ничего, — сказала Вера. — Мы не можем разбудить того, кто не хочет просыпаться. Мы можем только быть рядом. И ждать.

Она взяла бутылку с газировкой, которая стояла на столе. Старого образца — с защёлкивающейся пробкой, которую нужно было поддеть пальцем. Вера взяла бутылку, провела пальцем по краю пробки, чуть поддела её — не открыла, а дала ей чуть свободы.

— Эта бутылка запечатана, — сказала она. — Пробка сидит достаточно плотно. Но я знаю — если я начну встряхивать, давление внутри будет расти. И в какой-то момент пробка вылетит.

Она посмотрела на Дана.

— Сейчас она держится. Но внутри уже есть давление. Ты не видишь его. Но ты можешь его почувствовать.

Она начала встряхивать бутылку. Медленно, спокойно. Пузырьки поднимались к горлышку, сбивались в пену. Внутри булькало, давило, искало выход.

— Это — ты сейчас, — сказала Вера. — Ты не знаешь,

когда пробка вылетит. Ты не знаешь, когда мир изменится. Но ты чувствуешь — это *произойдёт*.

Она встряхнула сильнее. Бутылка дрожала в её руках. Пузырьки взметнулись к горлышку, ударили в пробку — раз, другой, третий.

И в этот момент Дан закрыл глаза на мгновение. И *увидел*. Не сон. Не картинку. Что-то другое. Серый город. Пустые улицы. Человек на чёрном байке, без струн. Он сидит, сжимая руль, и пытается *завучать*. Кровь течёт из носа, из ушей, из глаз. Город молчит. Человек смотрит на свои руки и не понимает, почему они не могут звучать.

Дан открыл глаза. Вера смотрела на него.

— Ты в порядке?

— Да, — сказал он. — Просто... я почувствовал что-то. Кто-то пытается звучать — но не может.

Вера посмотрела на него долго. Потом медленно кивнула.

— Ты начинаешь слышать не только себя. Это — следующий шаг.

Она повернулась к бутылке и снова встряхнула её.

— Смотри. Она держится. Но внутри уже некуда. Давление растёт. И в какой-то момент...

Она замолчала. Дан слышал, как булькает вода, как вибрирует стекло. Он *чувствовал* это в своей груди — давление, которое росло, как будто внутри него самого нарастало что-то, что не могло оставаться внутри.

— Сейчас, — сказала Вера.

Щелчок. Пробка вылетела. Сухо, чисто, мгновенно. Пар вырвался из горлышка. Вода зашипела, успокаиваясь.

Вера поставила бутылку на стол. Всё стало тихо.

— Вот, — сказала она. — Это — резонанс. Ты не знаешь, когда это случится. Ты чувствуешь только, как внутри нарастает давление. Как мир становится тесным. Как твоя кожа становится слишком маленькой для того, что внутри. А когда пробка вылетает — это не взрыв. Это — облегчение.

Она пододвинула пробку к Дану.

— Ты был как эта бутылка, — сказала Вера. — Внутри тебя нарастало что-то, что не помещалось. Ты не знал, когда это случится. Но ты знал — это случится. И когда пробка вылетела — мир изменился.

Дан взял пробку. Сжал её в руке. Она была тёплой.

Он думал о мужчине за соседним столиком — о стационаре, который не знал, что внутри него есть струна. И о человеке на чёрном байке, который пытался звучать и не смог.

— Что делать, если я не готов? — спросил он.

Вера посмотрела на него. Её зелёные глаза были спокойными.

— Ты будешь чувствовать, как внутри нарастает что-то, — сказала она. — И ты не сможешь это остановить. Ты либо позволишь пробке вылететь — и войдёшь в резонанс. Либо будешь держать её, пока она не лопнет. А когда она лопается — это уже не облегчение. Это — разрушение.

Она сделала паузу.

— Поэтому мы не держим. Мы позволяем.

Дан смотрел на пробку. На свои руки. Он слышал, как внутри него — там, где звучала струна — всё ещё вибрировало эхо того хлопка.

— Я понял, — сказал он.

— Тогда поехали, — сказала Вера.

ГЛАВА 5. ТЕ, КТО НЕ СЛЫШИТ

Они вышли из кафе. Вера прислонилась к байку, глядя на проезжающие машины. Ветер шевелил её пепельные волосы, и зелёные концы мерцали в свете уличных фонарей.

— Есть два типа людей, — сказала она. — Гонщики и стационары. Ты уже видел одного. И ты знаешь, что ты не он.

— Я знаю, — сказал Дан.

— Я родилась гонщиком, — сказала Вера. — Не выбирала. Но я видела, как просыпаются другие. Это самое прекрасное. Когда человек впервые слышит струну.

Она подняла левую руку и показала ему два пальца — безымянный и средний. На них были едва заметные шрамы.

— Я не чувствую их, — сказала она. — Это плата за годы. За каждый город, который я помогла разбудить. За каждую струну, которую я коснулась. Тело помнит то, что разум уже забыл.

— Ты не говорила об этом, — сказал Дан.

— Потому что это не важно, — сказала Вера. — Я плачу и буду платить. Но я выбираю платить, потому что когда город просыпается — это стоит того.

Она посмотрела на него.

— Ты тоже будешь платить. Каждый раз. Кровь, дрожь, звон в ушах. А потом — что-то ещё. Ты уже начал терять. Но ты узнаешь об этом позже.

Дан смотрел на её руку.

— И ты продолжаешь?

— Я продолжаю, — сказала Вера. — Потому что если я остановлюсь — я стану стационаром. А я не хочу быть той, кто не слышит.

Она посмотрела на дорогу.

— Поехали. Я покажу тебе, что такое настоящий звук.

ГЛАВА 6. ПРОБУЖДЕНИЕ ПЕРВОЕ

Они влетели в город на рассвете. На пределе скорости. Ветер свистел в ушах, мир сжался, и Дан почувствовал, как воздух стал плотнее, звуки задержались. Промежуток.

Город был пуст. Не заброшенный — *ещё не наполненный*. Дома стояли, фонари горели, но ни одной машины. Ни одного человека. Только ветер и тени. Тишина здесь была плотной, как вода.

Вера остановилась на главной площади. Выключила двигатель. Сняла шлем. Повесила на руль. Закрыла глаза.

— Что мы будем делать? — спросил Дан.

— Мы будем *здесь*, — сказала она. — Этого достаточно.

Она сидела на байке, не двигаясь. Просто *присутствовала*. Дан чувствовал, как от неё идёт что-то тёплое, мягкое, как дыхание.

Он закрыл глаза — и вдруг *увидел*. Не глазами — чем-то другим. Серебристые линии, тонкие, почти невидимые, тянулись от Веры во все стороны. Они вплетались в дома, в асфальт, в фонари. Струны. Тысячи струн.

Вера не дёргала их. Она просто *прикасалась*. Как будто гладила спящего зверя. Её дыхание стало глубже. Она выдохнула — и в этот момент Дан почувствовал, как вибрация прошла через его тело. В ушах зазвенело — не больно, а как отклик.

Город начал *откликаться*. Сначала одна струна. Потом другая. Потом тысячи. Они вибрировали в унисон, как будто город вспоминал, как звучать. Пробуждение было лёгким, как утро после долгой ночи. Тишина таяла, уступая место жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.